
СОЗНАТЕЛЬНОЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ¹.

Н.А. Саркисян

(Москва)

2 тип. Использование качественного анализа данных в изучении массового политического сознания.

Для исследований этого рода свойственно отсутствие стремления к репрезентативности выборки, выражению тенденций языком цифр - можно сказать, направленность исследования меняется почти на полную противоположность опросам общественного мнения. При этом основной акцент смещается на выявление качественных тенденций и на глубинный, “понимающий” анализ сознания каждого респондента. Таких исследований совсем немного [7, 12, 17], поэтому не имеет смысла как-то обобщать их - полезно принять их правила игры и заняться “качественным” анализом каждого из них.

Первое из них описано в статье “Перспективы демократии в сознании россиян” [17]. Основной его целью является анализ политической социализации и ресоциализации россиян, хотя, по-видимому, резоннее говорить о москвичках, так как интервьюируемыми, судя по всему, были именно они. В выстраиваемой автором модели политической социализации очевидно придание большого веса неполитическим условиям политической социализации личности, а также влиянию психологиче-

¹ Окончание. Начало в №10 за 1998 г.

ских особенностей личности на ее политические установки. В то же время эти личностные особенности не трактуются как независимые переменные политической социализации личности, а, значит, являются членами взаимосвязанных и взаимовлияющих составляющих модели.

С помощью фокусированного глубинного интервью, анкеты с открытыми вопросами и тестирования на уровень субъективного контроля (адаптированный тест Роттера), примененных к 73 исследуемым - 46 мужчинам и 27 женщинам, выявлялись, по утверждению автора, следующие данные о каждом из них.

1. Нынешние установки на политику (наличие интереса, знаний, готовность к поступкам, чувства), реальную власть, идеальную власть, государственные институты, режим, политических лидеров, ценности демократии.

2. Модель власти в семье респондента, опыт подчинения и доминирования в отношениях с различными категориями людей в детские годы и сейчас.

3. Психологические качества личности, а именно, наличие или отсутствие выделенных авторами при операционализации понятия качеств “демократической личности”, таких как открытость, терпимость, способность к компромиссам, свобода от бессознательной тревожности, приоритет рационального начала в выборе политической позиции, отсутствие стремления к подавлению других, признание людей равными, активная жизненная позиция, а также интернальность с присущим ей высоким уровнем субъективного контроля, при котором причину происходящего с ним человек ищет в первую очередь в себе.

Основное обобщение здесь производится, что характерно для исследований социализации, в рамках различных возрастных групп, но группы скорее выступают не как находящиеся на различных стадиях политической социализации, а как проходившие разные стадии этой социализации в различные эпохи, как поколенческие образования. Выводы, производимые на

основе интерпретации полученных данных, довольно подробно описаны в статье и весьма интересны, однако приводить их все, конечно, не имеет смысла.

Описание результатов проводится по ряду переменных, свидетельствующих скорее о направленности исследователей на их изучение, нежели о склонности респондентов акцентировать эти моменты в интервью (скорее всего именно эти моменты составляли как вопросы анкеты, так и направления фокусированного интервью). Эти переменные хотя и не перечисляются все сразу, а лишь описательно предьявляются в свободной последовательности внутри четырех подтем при описании каждой возрастной группы составляют первичную политическую социализацию. Обобщенная тема “нынешние политические установки”, согласно традиции “препарирования” установок в психологии разделяют на три подтемы - три среза: когнитивный, эмоциональный и поведенческий срезы.

Основные выводы этого исследования выглядят так.

1. Политические взгляды населения изменились в ходе ресоциализации последних лет, однако глубинные пласты остались неизменными.

2. Политическое сознание полно противоречий, совмещая в себе “прежние авторитарные” и “новые демократические” взгляды. Кроме того, существует серьезное несоответствие между рациональным одобрением и эмоциональной симпатией, что выражается в различии ответов на вопросы о доверии и симпатии к определенным институтам и лидерам.

3. По результатам исследования автор считает обоснованным полагать, что старшие возрастные группы, первичная политическая социализация которых прошла в условиях тоталитарной политической системы и зачастую в более авторитарных семьях, “ничуть не авторитарнее ни в психологическом, ни в собственно политическом смысле. Они более склонны принимать идеи эгалитаризма и этатизма, чем молодые группы, но

при этом их лояльность нынешней власти выше, они ответственнее и дисциплинированнее, чем их младшие сограждане. Здесь не чаще, чем в других группах, встречаются закрытость мышления, отказ от равенства и справедливости.“ [17, с. 59] Единственная группа, в которой автор отмечает более выраженные, нежели в других, авторитарные тенденции - это группа 55 - 65 лет.

Со своей стороны хотела бы уточнить, что те показатели, согласно которым изучались эти авторитарные тенденции, являются индикаторами лишь вербальной авторитаризированности или демократизированности. И вопрос о том, будут ли соответствовать поведенческие реакции тех же респондентов выявленным вербально тенденциям, подлежит отдельной проверке, тем более учитывая уже упомянутую противоречивость политического сознания и наличия в нем небанальных закономерностей. Кроме того, при построении иерархий ценностей не учитывался, по-моему, такой довольно важный момент, как различия в предпочтении ценностей, важных лично для респондента и являющихся, с его точки зрения, важными для общества в целом. Так, например, тот же этатизм может не иметь значения для достаточно обеспеченного индивида, но он бы считал его важной чертой государства в целом.

4. Большинство опрошенных на вербальном уровне позитивно воспринимает демократические ценности, отождествляя себя с демократией и демократами, однако при этом наблюдается различное понимание демократии у разных категорий респондентов. У младших возрастных групп делается акцент на свободу, права человека, личную независимость, то есть на индивидуалистическую составляющую демократии, но чем старше опрошенные, тем более важными они считают для демократии ответственность и равенство, эгалитаризм и этатизм.

Следует отметить, что ценности старшего поколения не сильно отклонились от предлагавшихся коммунистической

идеологией, но они были помещены под новый официальный идеальный образ - образ демократии. В то же время молодые поколения воспринимают уже отличную от коммунистического идеала составляющую демократии - индивидуалистические ценности.

5. У респондентов не наблюдалось совпадения психологических и политических тенденций авторитарности, так что называющие себя приверженцами демократии в политике могут быть достаточно “авторитарными личностями”. “В то же время “идейные” коммунисты могли продемонстрировать политическую терпимость, широту взглядов и ответственность” [17, с. 60], хотя как раз во втором факте, в отличие от автора статьи, я не вижу особенных противоречий, так как идеи коммунизма не равны идеям тоталитаризма.

Хотя исследование, описанное в статье Е. Шестопал имело своей целью проанализировать, действительно ли так называемые демократические ценности вытеснили авторитарные в политическом сознании россиян, подводя итоги, я сказала бы, что эта цель так и не была реализована, так как скорее всего реальное вытеснение авторитарных ценностей плохо выявляется на вербальном уровне, тем более что официальными ценностями в социалистическом обществе, понимаемом здесь как тоталитарное, были не авторитарные ценности, но, напротив, ценности, весьма близкие к тем, которые мы называем сейчас демократическими .

Второе исследование, построенное на неколичественном анализе получаемых данных, описано в небольшой статье С. Мошкина и В.Руденко “Детский политический анекдот” [7]. Не смотря на то, что приведенное эмпирическое исследование носит слишком описательный характер - обсуждаются типы детского политического анекдота с приведением подробных примеров, сама идея изучения политического сознания через такого рода “фольклорные” жанры весьма интересна.

В третьей работе этого типа, озаглавленной “Российская власть в представлениях граждан”, целью исследования ставилось “выявление структуры политического восприятия представителей региональных элит, предпринимателей и директорского корпуса, офицеров российской армии, творческой и научной интеллигенции как наиболее политически активных групп российского общества” [12, с. 101].

Исследование, по идее авторов, проводилось с использованием метода рефлексивного интервью, при котором высказывания респондентов являются сами по себе объектом исследования - анализируется их смысл и внутренняя структура, специфическая внутренняя логика и выражаемые ими основные принципы политической практики респондента. Интервью строились на недирективном путеводителе, содержащем ряд вопросов, используемых интервьюером в качестве опорных точек “свободной” беседы. Планировалось провести 424 таких интервью по всей стране, но “по техническим причинам” “хороших” интервью оказалось лишь около 100, а в статье анализировались лишь 49 интервью. Основными темами, предлагаемыми респондентам к обсуждению, были следующие:

1. Актуальные на момент исследования (август - октябрь 1994 года) проблемы, волнующие российскую политическую элиту - возможность продления полномочий Президента и Федерального собрания, возможные способы легитимизации подобных событий и реакция на них различных социальных и политических слоев общества.

2. Представления респондента о существующих в современном российском обществе политических силах и социальных группах, и самоидентификация респондента в рамках этих представлений.

3. Представления респондента о ближайшем политическом будущем России, тенденциях развития политической жизни и

месте, отводимом респондентом себе и различным политическим силам в этой картине.

Хотя авторами эти темы представляются как “вопросы для затравки”, последующий анализ интервью проводится по той же схеме и являет собой содержательный анализ в рамках каждой темы.

Вообще, это исследование вследствие “ненавязчивой” формы сбора данных, хорошо демонстрирует ту многомерность представлений общественного сознания, которая сильно искажается при ответах на закрытые вопросы опросов общественного мнения, когда “респонденты вынуждены сводить свои многомерные структуры к одномерным и выбирать из набора вариантов те ответы, которые расположены ближе к проекциям их представлений на оси, предложенным составителями анкеты в виде формулировок вопросов. Ответы на закрытые вопросы анкет могут адекватно отражать общественное сознание только в том случае, если данные оси будут соответствовать координатам многомерных структур представлений различных социальных групп. Эти структуры можно выявить с помощью анализа рефлексивных интервью, поскольку такие интервью содержат собственные суждения респондентов и по форме, и по содержанию” [12, с. 132], а также с помощью некоторых других методов, которые будут описаны при анализе научных работ третьего типа.

3 тип. Исследования массового политического сознания с помощью нетривиальных количественных методик

Не стану заниматься излишними априорными обобщениями свойств этого типа исследований, но начну сразу с описания конкретных его “представителей”.

В первую очередь мне хотелось бы обратиться к большому, “многомерному” проекту, реализованному Центром прикладных политических исследований ИНДЕМ и описанному в нескольких номерах бюллетеня “Российский монитор” [см. 1, 2, 3, 4, 13, 14, 15]. Исследование проводилось в конце 1992 - начале 1993 года на выборке более 4000 респондентов, представляющей сельское и городское трудоспособное население России (параметры выборки подробно представлены в 1 выпуске “Российского монитора” на с. 132-134).

Описанные в статьях проекта структуры интересны тем, что они не были сконструированы умозрительно, на основе представлений исследователя о политическом сознании, но были извлечены из достаточно “нейтральных” экспериментальных данных, хотя некоторая априорная структура все же заложена в стимульном материале.

Итак, в рамках этого проекта были реализованы в комплексе следующие методы изучения политического сознания и политических диспозиций:

1. Изучение коннотативной компоненты массового политического сознания с помощью личностного опросника, построенного по образцу теста установок, причем в качестве исходного материала для оценивания использовалась выбранная из программ политических партий совокупность политических суждений, представляющих все части политического спектра (см. [13, с. 135-139]). Эта процедура проводилась дважды с

интервалом в полгода на различных перечнях суждений. На основе полученных таким образом данных была просчитана матрица корреляций и построена классификация суждений, разбивающая их на некоторое количество классов - в первом замере на 5, во втором - на 6. Затем с помощью методов многомерного шкалирования были выявлены оси латентных факторов, объясняющих разнообразие оценок суждений респондентами. В первом случае был выделен один фактор, имеющий преимущественно экономическую природу,- его полюсами служат такие две позиции, как поддержка планового регулирования и поддержка свободного рынка. Этот фактор был назван “шкалой либерализма”. Во втором случае было получено уже двумерное семантическое пространство, то есть было выделено два фактора. Вдоль первого фактора выстроились “лозунги от традиционно демократических до заведомо национально-консервативных” [4, с. 87] - он получил название “демократизм”. На противоположных полюсах оси второго латентного фактора расположены суждения, максимально приближенные к индивидуальным интересам, с одной стороны, и суждения, относящиеся к государству, с другой - он был назван “этатизм”.

В итоге каждому суждению и каждому респонденту были приписаны координаты от -1 до 1 в полученных семантических пространствах, таким образом, респонденты также были распределены по выделенным классам. Кроме того, каждое суждение получило свой рейтинг во всей совокупности суждений.

2. Изучение денотативной компоненты массового политического сознания на основе классификации тех же суждений на произвольное число классов по произвольному основанию. Как ни странно, из этой части исследования авторами не было ни сделано каких-либо содержательных выводов, ни построено какой либо типологии. Мы считаем, что эти данные были незаслуженно подвергнуты “остракизму”, возможно, вследствие сложности их интерпретации и неаличия столь же красиво

вырисовывавшейся структуры, как в изучении коннотативной компоненты. Единственный сделанный авторами на основе кластерного анализа классификаций вывод состоит в том, что “коннотативные и денотативные компоненты семантики массового политического сознания не взаимосвязаны, что есть одно из проявлений неструктурированности сознания.” [4, с. 99].

Проведенный мной анализ приведенной в публикации кластерной структуры показал, что это не совсем так. В своих попытках нахождения связи между коннотативной и денотативной компонентами исследователи исходили из возможности наличия двух форм их связи: во-первых, классифицируя, респонденты могли бы объединять в классы лозунги, расположенные по соседству в построенном семантическом пространстве оценок, а во-вторых, они могли бы руководствоваться при классификации “ценностью” лозунгов, так что в один класс попадали бы лозунги с высокими или, наоборот, низкими значениями рейтингов. Так как ни той, ни другой зависимости обнаружено не было, авторами был сделан уже упомянутый вывод.

Связи с рейтингами лозунгов и вправду не наблюдается, однако это свидетельствует только о том, что респондентам не свойственно на просьбу о классификации выделять группы по основанию “согласен с суждением - не согласен с суждением”. Однако нельзя утверждать, что оценка и классификация производятся в рамках различных семантических пространств. Все дело в том, что при обобщении такой большой массы произвольных классификаций не могло не произойти смешения оснований.

Вероятно, ошибкой авторов было то, что они априорно считали классификацию по предметной направленности, отражающей лишь поверхность явлений и не принимали ее во внимание. Между тем, при внимательном рассмотрении кластерной структуры становится ясно, что для нее характерно дробление на большие группы кластеров именно по этому основанию,

а внутри этих групп уже производится разделение согласно одному из выделенных при рассмотрении оценок латентных факторов-осей или им обоим. Некоторые кластеры можно целиком отнести к тому или иному полюсу того или иного фактора, так как проблематика, которой они объединены, свойственна именно этому полюсу (например, проблема первичности прав личности свойственна положительному полюсу оси демократизма и не затрагивается в суждениях противоположного полюса). Другие проблемные кластеры, так, например, кластер неприятия силовых мер решения проблем, не имеют такого внутреннего деления, так как могут быть свойственны любому полюсу любой шкалы.

Для удобства интерпретации было бы также полезно предложить респондентам по возможности фиксировать вербально свои основания для классификации или давать описание каждому из выделенных классов.

3. Изучение отношения к политическим деятелям производилось по специально разработанной методике, названной построением структурного рейтинга. При этом подходе респонденту предлагалось в списке из 18 политиков сначала отметить тех, которые ему известны (при этом он должен был некоторым образом проявить свою осведомленность) - по этим данным строился "рейтинг популярности" (мы можем назвать его еще рейтингом известности). Далее респондент работал уже со списком только известных ему политиков и отмечал тех из них, чьи политические позиции ему ясны и известны. Результатирующей обобщения этих данных явился "рейтинг политической прозрачности". На третьем шаге респондент отмечал тех, чьи политические позиции он разделяет. Это было основанием для построения "рейтинга политической эмпатии". На четвертом шаге респондент отмечал тех политиков, кого считал достойными находиться у власти, - на основе этих данных строился "рейтинг доверия" политиков. И, наконец, на основе двух различ-

ных методик - в 1992 году на основе оценки респондентом каждого политика по девяти шкалам эмоциональных оценок, а в 1993 году на основе цветоассоциативного теста - строился “рейтинг эмоциональной оценки”.

Кроме самого построения рейтингов и выведения интегрального рейтинга, в 1992 году решалась задача многомерного шкалирования для перечня политиков по каждому из трех последних рейтингов. Затем определялись координаты респондентов и строилась классификация респондентов согласно приписыванию ими определенной группе политиков относительно более высоких баллов. Такая классификация также производилась по каждому рейтингу.

4. Изучение отношения к различным политическим событиям конца 1991 - начала 1992 года (всего 13 событий) проводилось также на основе методики построения структурных рейтингов. Здесь выявлялись, во-первых, события, известные респонденту (рейтинг популярности), во-вторых, события, которые обсуждались респондентом в семье или со знакомыми (рейтинг заинтересованности), а также события, которые положительно и отрицательно повлияли на жизнь респондента (рейтинги положительных и отрицательных оценок). Строился, соответственно, и интегральный рейтинг. Как и в случае с политиками, события и респонденты были классифицированы отдельно по третьему и четвертому рейтингу, то есть были выделены классы событий, которые негативно или позитивно оцениваются, и группы респондентов, оценивающие их таким образом.

5. Аналогичная процедура была проведена и при анализе восприятия массовым сознанием различных политических институтов. Здесь были построены три рейтинга - заинтересованности, положительных оценок и отрицательных оценок.

6. Изучение политических прав в системе политических диспозиций общества производилось с помощью следующей процедуры. Из списка в 17 прав, составленного из основных

положений Всеобщей Декларации прав человека с некоторыми корректировками, респондентам предлагалось выбрать шесть наиболее важных прав “для себя” и шесть - “для страны”. Далее опять таки была произведена типология методами многомерного шкалирования и последующей классификации и выделены классы респондентов, выбирающих права определенного типа.

7. Кроме применения к респондентам уже описанных выше методик, авторы проекта собирали довольно подробную социально-демографическую информацию. Полученную социально-демографическую структуру выборки авторы разделили на десять агрегированных групп, называемых ими “реперными”. Это разделение, по их мнению, наиболее явно учитывает эффект социальных траекторий. Такими группами стали следующие: интеллигенция, крестьяне, рабочие, руководители среднего звена, домохозяйки, пенсионеры, торговля и обслуживание, государственный аппарат, неквалифицированные служащие, “новые русские”(собственники или занятые в коммерческих структурах).

8. И, наконец, авторами выявлялись психологические типы респондентов с помощью опросника MBTI, специально адаптированного и валидизированного для России.

Необходимо уточнить, что все вышеописанные методы сбора информации применялись ко всей выборке в целом, то есть о каждом респонденте собирался целый обширный комплекс данных. Это позволило исследователям выполнить построение целого ряда таблиц сопряженности, то есть исследовать зависимости между различными характеристиками политического сознания и их обусловленность социальными траекториями и психологическими типами. Для выявления и наглядного представления зависимостей авторами чаще всего применялась техника стандартизированных остатков - величин, измеряющих отклонения наблюдаемой частоты от ожидаемой в стандартизованных единицах, позволяющая отследить не общую зависи-

мость или независимость двух характеристик или классификаций (для этого используются обычные статистические критерии), но частные закономерности внутри этой зависимости. Конечно, не имеет смысла приводить все полученные таким образом данные, - с ними можно ознакомиться в вышеперечисленных статьях проекта. Однако хотелось бы упомянуть некоторые интересные аспекты политического сознания, выявленные в ходе исследования.

Таким представляется, например, увеличение размерности полученного семантического пространства политических оценок (от одного фактора до двух). Авторы объясняют это факт предположением о том, что в исследовании зафиксирован момент переструктурирования семантической структуры общественного политического сознания, так как в принципе семантические структуры всегда имеют тенденцию к свертыванию, то есть стремятся стать как можно более простыми. Однако в процессе переструктурирования может происходить временное увеличение размерности семантического пространства. Возможно, в этом предположении есть доля истины. Так, например, при отнесении политиков к центру тяжести точек тех респондентов, которые разделяют их политические взгляды, выявилось, что, во-первых, респонденты гораздо лучше (с большим разбросом) дифференцируют политиков по оси “демократизма”, нежели по оси “этатизма”(речь идет, конечно, не о каждом конкретном респонденте в отдельности, но о свойстве массового политического сознания). Далее, очевидна либо намекающаяся “склейка” этих осей, либо недостаточное еще их разведение. Для массового политического сознания чем “недемократичнее” политик, тем он “этатичнее”. Этому, по-видимому, может быть два объяснения. Во-первых, возможно усмотреть в этом тенденцию структуры политического сознания к упрощению после уже произошедшей ее перестройки. Во-вторых, вполне вероятно, что структура, напротив, только начинает

усложняться, и оси уже обособились, но не успели разделиться окончательно. Может случиться и так, что оси не объединятся в ближайшем будущем. Они могут трансформироваться (скорее всего, трансформация осей действительно неизбежна), структура политического сознания, в принципе, может даже и еще сильнее усложниться.

Однако можно высказать и еще одно соображение: выявленное усложнение может не быть свойством собственно массового политического сознания, оно вполне могло явиться либо результатом изменений, произошедших в лозунговых базах партий и не обязательно усвоенных массовым сознанием, или, наконец, производной от выбора суждений для оценки, что тоже не исключено. Вообще, учитывая несоответствие сложившейся у нас партийной структуры и всего общества и автономизацию поля политики, не совсем адекватными представляются суждения о политическом сознании общества на основе оценки населением программных лозунгов партий.

Вообще, как я уже говорила, очень большим достоинством данного проекта является то, что он выявляет массу закономерностей - даже авторы не подвергают интерпретации все данные, оставляя многие данные лишь в виде таблиц без комментариев и позволяя читателю разобраться в них самому. Отслеживание всех этих закономерностей, наверное, дело отдельной работы и вовсе не является целью данного анализа, поэтому я считаю нужным закончить описание этого глобального проекта и перейти к описанию другой работы этого типа.

Характерно, что основная масса исследователей, отошедшая от использования традиционных опросных методов и пытающихся произвести, тем не менее некий количественный анализ закономерностей массового политического сознания, склоняются к применению в той или иной форме психосемантических методов, особенно близких своими пространственными построениями идеям социального пространства, определенным

образом отражаемого сознанием человека. Мы уже пронаблюдали обращение к описанию массового политического сознания в терминах семантического пространства в проекте Центра ИНДЕМ. Теперь остановимся на исследовании, проведенном под руководством “мэтра” отечественной психосемантики В.Ф.Петренко [9, 10].

Это исследование проводилось в два приема - в 1991 и 1993 годах - и ставило своей целью изучение базисных категориальных структур политического сознания российского общества. Цель реализовалась путем изучения политических партий, которые полагаются “коллективными субъектами-носителями неких идеологем” [9, с. 46]. Я бы, правда, опять-таки возразила, что массовое сознание членов партий и движений, тем более, как в данном исследовании, московских членов партий, скорее всего не репрезентирует сознание всего общества, поэтому обобщать выводы этого исследования подобным образом не следует, однако выделяемые структуры безусловно заслуживают внимания.

Процедура сбора данных была в какой то мере аналогичной вышеописанной процедуре по оценке лозунгов. Однако список суждений, предъявляемый участникам опроса - членам ряда партий и объединений - и включавший в себя “суждения по вопросам Конституции и государственного устройства страны, по проблемам внешней политики и отношению к реформам вооруженных сил, к правовым аспектам экономики, к собственности, к политическим свободам и правам граждан, к вопросам национальной политики и межнациональных отношений, к проблемам культуры, языка, религии, а также пункты Всероссийского референдума апреля 1993 года о доверии Президенту и о поддержке политики реформ” [9, с. 46] формировался по какой-то иной, не описанной процедуре. Во всяком случае, это, очевидно, не были программные положения партий (вообще, сама процедура формирования такого списка все-таки

представляется мне фактором возможного существенного влияния представлений исследователя на результаты исследования).

Участники опроса могли согласиться или не согласиться с каждым из суждений, затем на основе таких оценок производилась первичная группировка данных - вычислялись средние оценок каждого суждения для каждой партии. По результатам этой группировки затем был проведен кластерный анализ партий, дающий типологизацию партий на основании интегрального показателя их сходства или различия. Однако в дополнение к такой типологии является важным выделение составляющих интегрального различия, то есть относительно независимых осей-факторов семантического пространства, подобных выявленным в вышеописанном исследовании.

В 1991 году были выявлены следующие биполярные оси:

1. демократические свободы - тоталитаризм
2. политическая и экономическая децентрация - унитарная социалистическая государственность
3. плюрализм в идеологии - коммунистическая идеология
4. акцент на общественное самоуправление - акцент на сильную централизованную экономику
5. приоритет экономическому развитию - приоритет экологической безопасности

В 1993 году были выявлены уже несколько иные факторы, хотя первые пять факторов, согласно анализу авторов, являются аналогами пяти факторов 1991 года соответственно (первый является аналогом первого и т.д. и трансформировались из них, а шестой является новообразованием, хотя, на наш взгляд, это новообразование могло опять таки быть стимулировано выбором суждений для списка - взять хотя бы тот факт, что в список 1993 года были включены вопросы апрельского референдума, четко соответствующие содержанию шестого фактора. Итак, второй набор факторов таков.

1. либерализм - национализм
2. экономическая децентрация и предпринимательская независимость - плановая экономика и рудименты социалистической государственности
3. атеизм и отрицание доминирующей роли религии в обществе - усиление роли религии
4. акцент на общественное самоуправление - акцент на сильную централизованную экономику
5. приоритет экономическому развитию - приоритет экологической безопасности
6. поддержка курса Президента и правительства (по текущим проблемам внутренней и внешней политики) - оппозиция курсу Президента и правительства (по текущим проблемам)

Кроме выявления содержания и трансформации осей политического сознания для анализа преемственности семантического пространства важно также привести выявленные тенденции изменения веса факторов, их значимости при объяснении разброса оценок, что также производится авторами исследования.

Сравнение результатов этого исследования с результатами ИНДЕМа очень хорошо демонстрирует влияния исследовательского подхода к проблеме - так, множественность факторов в исследовании В.Петренко по сравнению с одним-двумя факторами ИНДЕМовского проекта свидетельствует, во-первых, о значимости состава списка суждений-стимулов, а во-вторых, о расстановке исследовательских приоритетов. Ю.Качанов и Г.Сатаров, по-видимости, стремились к упрощению картины и отбрасывали “мелкие” (объясняющие небольшой процент общей дисперсии) факторы (которые, кстати говоря, могли оказаться мелкими в силу небольшой представленности соответствующей проблематики в списке суждений), а В.Петренко, напротив, приводит полную картину, описывая “мелкие” факторы

наряду с крупными. Хотелось бы также признать заслугу В. Петренко и О. Митиной, состоящую в анализе именно преемственности факторов - в анализе Ю. Качанова и Г. Сатарова такой анализ отсутствует.

И, наконец, последнее исследование этого типа описано в статье А. Ослона и Е. Петренко, уже упоминавшейся в связи с анализом опросов общественного мнения [8]. В этом исследовании, проведенном в августе 1993 года, применялся метод семантического дифференциала для выявления взаимосвязи между нормативными представлениями респондентов при восприятии ими политических деятелей. Сбор данных строился следующим образом. Респондентам из трех городов (Москва, Самара, Новосибирск), общей численностью 450 человек, предлагалось оценить вероятность стремления ряда политиков и политических партий, представляющих собой весь политический спектр и хорошо известных в России, в случае их прихода к власти выполнить некоторые действия. Всего список действий включал около 50 позиций, отобранных экспертным путем из 120. Для оценки вероятности выполнения каждого действия политиками и партиями использовалась пятибалльная шкала с наличием в ней варианта "затрудняюсь ответить". В список политиков был также внесен такой элемент как "идеальный политик". Предполагалось выявить следующие два момента: во-первых, каковы представления респондентов о вероятных действиях каждого политика, а во-вторых, каковы представления о необходимых действиях.

Для этого действия были сгруппированы методом экстремальной группировки, в результате чего были получены десять так называемых фактор-действий, понимаемых авторами как обобщенные цели каждой группы действий. Эти цели приводятся в таблице наряду со средними оценками "старания выполнить" каждое действие для идеального политика (чем меньше балл, тем больше вероятность действия), что представляется

авторам исследования усредненными общественными приоритетами, результатом получения своеобразного “баланса разных точек зрения в обществе” [8, с. 16] (речь об обществе в целом здесь идти не может, так как исследование проводилось на выборке населения крупных городов).

ФАКТОР-ДЕЙСТВИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
НОРМАТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕЙСТВИЯХ
ПОЛИТИКОВ

Таблица 1.

Фактор-действия	Средние оценки “старания выполнить” для Идеального политика
Обеспечить законность, правопорядок, усилить роль государства	1.18
Повысить жизненный уровень населения	1.27
Обеспечить права человека	1.29
Восстановить традиционные российские духовные ценности	1.36
Обеспечить национальную терпимость	1.36
Продолжить экономические реформы	1.43
Обеспечить тотальный контроль	1.72
Восстановить дореформенную экономику	1.99
Обеспечить преимущества русской нации	2.41
Ограничить демократические свободы	2.79

Установив этот порядок приоритетов и выявив межфакторные корреляции, авторы утверждают, что были выделены две группы фактор-действий: прореформенные и противореформенные (разделены в таблице чертой), и что респондентами было продемонстрировано предпочтение прореформенной точки зрения. Однако, проанализировав суть фактор-действий, можно заметить, что положение о продолжении реформ занимает лишь шестое место в так называемом прореформенном блоке, тогда как остальные фактор-действия этого блока пере-

числяют скорее реализацию не именно неких составляющих реформ, а того, что Е.Шестопал называла демократическими ценностями, и что по сути является общечеловеческими идеалами и стандартами идеального государства, не связываемыми именно с реформами в нашей стране, в то время как второй блок содержит преимущественно авторитарные положения, которые обычно не декларируются как идеалы и ценности. Кстати, их формулировки в опроснике также выдержаны в весьма негативном и отталкивающем духе, а кроме того, второй, так называемый противореформенный блок вообще был гораздо более бедно представлен в опроснике. Все это, к сожалению, заставляет очень и очень аккуратно относиться к выводам и результатам данного исследования. На этом можно завершить описание исследований, однако мне хотелось бы остановиться еще на одном моменте.

Дело в том, что при чтении работы может создаться представление, что я нарочито отбирала из всех “количественных нетрадиционных” исследований политического сознания исследования с применением психосемантических методов. Смею заверить, что это не так - все обнаруженные мною релевантные исследования были здесь проанализированы.

4 тип. Анализ результатов выборов и референдумов

Этот тип исследований представлен небольшим количеством работ [5, 6, 11]. Он позволяет проследить в основном тот факт, что массовое политическое сознание различается по России, во-первых, в различных регионах, а, во-вторых, внутри регионов в крупных городах (особо выделяются столичные города - Москва и Санкт-Петербург), небольших городах и в сельской местности, что, кстати, часто является причиной различного рода ошибок в опросах общественного мнения вслед-

ствие преимущественного опроса населения городов. Полезен также и анализ явки на голосование как таковой, которая различается в особенности в городах и на селе, и связанная с этим анализом концепция электорального перехода [11] также заслуживает внимания.

Итак, проведенный мною анализ опубликованных эмпирических исследований показал, что во всех типах методологических подходов к изучению политического сознания населения встречаются свои достоинства и недостатки, и что во всех исследованиях, и это в общем-то естественно, встречаются и ошибки, привнесенные туда когда сознательно, когда бессознательно, и интересные идеи и находки. Главное, что необходимо для исследователя, это постоянная рефлексия и постоянное критическое восприятие как исследований других авторов, так и своего собственного. “Также надо быть готовым оставить ту дорогу, по которой мы некоторое время шли, если окажется, что она не приводит ни к чему хорошему” [16, с. 424]. Впрочем, я не претендую на то, что могу сама придерживаться таких правил, но буду только рада, если и на меня найдется “Фрейд”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Захарова Н.В., Кундин А.В.* Психологические типы в поле политики//Российский монитор: архив современной политики, 1992. Выпуск 1. С. 202-213.
2. *Захарова Н.В.* Права человека в системе политических диспозиций//Российский монитор: архив современной политики, 1992. Выпуск 1. С. 179-187.
3. *Качанов Ю.Л., Сатаров Г.А.* Метаморфозы политического сознания: De omni re scibili et quibusdam aliis//Российский монитор: архив современной политики, 1993. Выпуск 3. С. 79-108.

4. *Качанов Ю.Л., Сатаров Г.А.* Социальные группы в поле политики: опыт эмпирического анализа//Российский монитор: архив современной политики, 1992. Выпуск 1. С. 188-201.
5. *Колосов В.А.* Политические ориентации российских регионов: произошел ли в декабре 1995 “обвал”? (Анализ голосования по партийным спискам)//Политические исследования, 1996. № 1. С. 91-102.
6. *Малютин М.В., Нецадин А.А.* Предварительные итоги. Чья ничья?//Российский монитор: архив современной политики, 1993. Выпуск 3. С. 45-59.
7. *Мошкин С.В., Руденко В.Н.* Детский политический анекдот//Социологические исследования, 1995. № 7. С. 133-137.
8. *Ослон А., Петренко Е.Ф.* Факторы электорального поведения: от опросов к моделям//Вопросы социологии, 1994. № 5. С. 3-27.
9. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантическое исследование политического менталитета.//Общественные науки и современность, 1994. № 6. С. 42-54.
10. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Динамика политического сознания как процесс самоорганизации//Общественные науки и современность, 1995. № 5. С. 103-115.
11. *Петров Н.В.* Референдум 25 апреля 1993 года: Итоги и уроки//Российский монитор: архив современной политики, 1993. Выпуск 3. С. 59-76.
12. *Римский В.Л.* Российская власть в представлениях граждан//Российский монитор: архив современной политики, 1995. Выпуск 6. С. 99-132.
13. *Сатаров Г.А.* Структура политических диспозиций россиян: от политики к экономике //Российский монитор: архив современной политики, 1992. Выпуск 1. С. 135-148.
14. *Сатаров Г.А.* Политическая жизнь через призму установок населения: структурные рейтинги//Российский монитор: архив современной политики, 1992. Выпуск 1. С. 149-178.
15. *Сатаров Г.А.* Политики и граждане: попытка склеить разбитое зеркало//Российский монитор: архив современной политики, 1993. Выпуск 4. С. 41-51.

16. *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сборник произведений. М., 1989.
17. *Шестопап Е.Б.* Перспективы демократии в сознании россиян//Общественные науки и современность, 1996. № 2. С. 45-60.